

Глава 32. Тоска по тебе расцвела сливой

— В Ичжоу, наверное, было очень тяжело, — Гу Чжао с нежностью осыпал его губы серией лёгких поцелуев и провёл костяшками пальцев по его щеке.

— Я так плохо выгляжу? — Жун Цунцзинь инстинктивно прикрыл лицо рукой и смущённо отвернулся.

Влечение естественно. Гу Чжао был молод и ценил красоту — это было вполне объяснимо. Долгое время, проведённое за рабочим столом, постоянное напряжение из-за важных дел и стремление поскорее вернуться в Ванцзин не могли не сказаться на его внешности.

— Да, — без тени сомнения кивнул Гу Чжао.

Жун Цунцзинь, забыв о смущении, свирепо посмотрел на него. Кто же говорит своему супругу в постели, что он дурно выглядит?

— Но даже если ты станешь ещё уродливее, я всё равно буду тебя любить, — ничуть не смутившись, продолжал Гу Чжао. — Лучше бы ты был таким страшным, чтобы нравился только мне, хе-хе-хе.

Под конец он так увлёкся своей мыслью, что рассмеялся и, опустив голову, принялся осыпать его шею невесомыми, как прикосновение стрекозы, поцелуями.

Лёгкие, словно лепестки, упавшие на водную гладь, эти поцелуи рождали в душе Жун Цунцзиня нежную рябь. Он должен был бы рассердиться, но не мог. Чувства его, подобно весенним водам, медленно поднимались, сливаясь с неприступными горами его воли.

Гу Чжао целовал его, а потом легонько прикусил кожу на шее, перекатывая меж зубами белоснежный участок.

— М-м-м... — от боли Жун Цунцзинь застонал, и в его глазах, словно россыпь звёзд, заблестели слёзы.

— Но всё-таки я хочу, чтобы Цунцзинь был красивым и здоровым, — тут же передумал Гу Чжао. Пусть многие восхищаются его красотой, пусть на их фоне он выглядит невзрачным — неважно. Он привык быть серой пташкой среди павлинов. К тому же, теперь он был более уверен, что его принцесса-консорт выберет именно его.

Гу Чжао склонился и покрыл след от укуса нежными поцелуями. Так он обращался со своей принцессой-консортом: желая оставить на нём знак своей власти, свою метку, он в то же время не хотел, чтобы он хоть на мгновение нахмурился.

Жун Цунцзинь обнял его за плечи. Его волосы растрепались, а дыхание стало прерывистым. Когда влажные губы Гу Чжао поднялись выше, он ответил на поцелуй со всей страстью.

Нефритовая курильница, ледяное ложе, парчовое одеяло с вышитыми мандаринками. В лёгком дымке, что вился из прикроватной курильницы, тонкий аромат сливы смешивался с пьянящей истомой. Кожа под распахнутым воротом халата Жун Цунцзиня, казалось, пылала. Он прикрыл глаза, и его голос, утратив обычное самообладание, прозвучал хрипло:

— Ваше Высочество...

— Молодой господин, прибыл господин Лю из дворца. Просит вас и Его Высочество явиться, — раздался за дверью тихий стук и голос Би Тао.

Гу Чжао, даже не осознавая, что делает, ощущал, как румянец, подобный цвету персика, на щеках его принцессы-консорты делает его невероятно привлекательным. Он обнимал его, не желая отпускать, словно большой кот, точащий когти о ствол дерева. Жун Цунцзинь поцеловал его в красивую, точёную щеку и, опустив руку ниже, прошептал:

— Тш-ш...

Гу Чжао широко распахнул свои звёздные глаза, в которых за долю секунды пронеслись сомнение, изумление и, наконец, чистое наслаждение. В этом деле он определённо был прилежным учеником. Он потёрся о шею своей принцессы-консорты, словно ласковый кот, и, утащив его вглубь кровати под парчовое одеяло, снова помог своему учителю.

Жун Цунцзиню пришлось переодеться.

— Подать карету, — сказал он, выходя из-за ширмы с горным пейзажем.

Гу Чжао, всё ещё в нижнем халате, побродил по спальне и сел заваривать чай.

Трижды промыл и один раз проварив, он дождался, пока в глиняном чайнике появятся пузырьки, похожие на крабьи глаза, и лишь тогда разлил чай по тёмным чашкам с узором «заячий мех». Он пододвинул одну чашку своей принцессе-консортке и, с нескрываемым ожиданием в ленивых, звёздных глазах, нарочито небрежно произнёс:

— Попробуй.

— Превосходно, — Жун Цунцзинь улыбнулся. Он взял чашку, сделал глоток и невольно похвалил. Настой был прозрачным, аромат — тонким и стойким, без горечи, свойственной переваренному чаю. «Изумрудные пики Цаншань» — сорт, требующий особого мастерства в заваривании. Он не ожидал от Гу Чжао такого умения.

— Тогда я буду заваривать тебе каждый день, — Гу Чжао ничего не ответил, но его невидимый пушистый хвост уже отчаянно вилял, поднимая в воздух тучи пыли.

— А это, кажется, моё мастерство, — вошедшая доложить о готовности кареты Би Тао с улыбкой поклонилась. — Его Высочество полмесяца просил меня учить его, и теперь ученик превзошёл учителя. В этой резиденции я больше не смею называть себя лучшей в чайном искусстве.

Гу Чжао, разоблачённый, недовольно покосился на Би Тао и жестом велел ей уйти. Мало того, что она им командует, так ещё и перед принцессой-консортом его выставляет.

Би Тао, безмолвно вздохнув, поклонилась.

— Карета подана к боковым воротам.

Жун Цунцзинь, хоть и чувствовал усталость, был в хорошем расположении духа. Он помог Гу Чжао надеть чёрный парчовый халат с вышитыми облаками и повязал на пояс мешочек с ароматом цветущей сливы.

— Кажется, он немного поизносился. Лучше сменить, — Жун Цунцзинь ловко завязал мешочек и, заметив потёртости на углах, хотел было снять его.

— Не надо, — Гу Чжао прижал мешочек рукой и отскочил на два шага.

— У меня будет время, я сделаю вам новый, — неодобрительно сказал Жун Цунцзинь. Хоть в резиденции он и считал Гу Чжао своим мужем, за её пределами тот был всё-таки знатным князем великой династии Цинь. Носить потёртый мешочек — что за вид?

— Тогда принеси новый взамен старого, — Гу Чжао указал на него пальцем, хитро прищурившись. — И чтобы был сделан руками Цунцзиня.

Жун Цунцзинь: «...»

У него и впрямь не было времени на такие безделушки, да и вышивал он из рук вон плохо. Он хотел было попросить Би Тао, но Гу Чжао перекрыл ему все пути. Пришлось кивнуть.

Гу Чжао удовлетворённо взял его за руку.

— Невестка опять вышла брату что-то с ивами и мандаринками.

— Я понял, — со вздохом кивнул Жун Цунцзинь. Хорошо ещё, что принцесса-консорт не шьёт

одежду для наследного принца, иначе ему пришлось бы провести остаток жизни в спальне, в борьбе с парчой и ножницами.

Нужно придумать, как отвлечь внимание Гу Чжао.

Иначе его «соревнования» с братом поставят их обоих в неловкое положение.

Жун Цунцзинь уже месяц не появлялся во дворце. Поползли слухи: то ли он болен, то ли отношения с князем Жуй разладились. Поместье маркиза Динъюань, хоть и не имело реальной власти в Ванцзине, всё же было знатным родом. К тому же, они долгое время провели в Дяньнани, и в столице предполагали, что у них там остались связи — а это всё подспорье для наследного принца.

Любое действие Жун Цунцзиня могло быть истолковано как воля поместья Динъюань. Поэтому императрица так спешила вызвать их во дворец — чтобы пресечь слухи.

— Ваше Высочество, помните, во дворце никому не говорите, что я был в Ичжоу, — наставлял его Жун Цунцзинь. — Я болел и всё это время находился в резиденции.

— Я знаю, — Гу Чжао хлопнул себя по груди. Он помнил, о чём его просили мать и брат-наследник. Понимать причины было необязательно, достаточно просто слушать их указания.

— Я нашёл чёрную собаку, вот такую, — Гу Чжао показал руками размер чуть меньше двух чи, и без умолку принялся делиться с ним столичными новостями. — Шерсть на солнце блестит, как золото. Увидишь — точно понравится.

— Четвёртый брат поправился, рука в порядке, только на щеке шрам остался. Отец-император даровал ему много мазей от шрамов, но, по-моему, толку от них мало, — Гу Чжао сморщил нос. — Эти мази так резко пахнут, не знаю, зачем четвёртый брат ими мажется.

Мужчину судят не по внешности, а по делам и чести. К тому же, четвёртый брат уже женат, какая разница, как он выглядит? Если бы он или его принцесса-консорт сейчас изуродовались, разве он бы перестал его любить?

Гу Чжао скривил губы. Какая жеманность со стороны брата.

Жун Цунцзинь на мгновение замер.

— Его Величество даровал четвёртому принцу лекарство от шрамов?

— Да, ещё и из самого Даши.

Мысли Жун Цунцзиня заработали с бешеной скоростью. Достоянная наложница Сянь и четвёртый принц, казалось, окончательно потеряли влияние. Как же им удалось за месяц вернуть расположение? Неужели наследный принц допустил ошибку? Или Его Величество спешно ищет противовес наследнику?

— Кстати, я тебе в письме не рассказывал? Пятую сестру выдают замуж, — голос Гу Чжао стал тише, в нём не осталось прежней радости.

— За сына какого вельможи?

— За... за Тули-кагана, — Гу Чжао опустил глаза, пряча печаль. — Достоянная наложница Сянь сама умоляла отца-императора. Пятая сестра добровольно согласилась на этот брак с тюрками ради мира для великой Цинь. Через два месяца, после праздничной стрельбы из лука, она отправится на север.

Сердце Жун Цунцзиня сжалось. Но в отличие от Гу Чжао, скорбевшего о сестре, он думал лишь об одном: достойная наложница Сянь и её сын пошли на отчаянный шаг. Они пожертвовали родной дочерью и сестрой, чтобы вернуть себе доступ к императору. Скоро Его Величество снова дарует четвёртому принцу титул князя.

Какой жестокий и решительный ход. Они опередили наследного принца, прежде чем тот успел полностью лишиться их влияния. Хотя наследный принц и выиграл в этой битве, заручившись поддержкой многих придворных и знатных семей, он не добился решающего удара, на который они рассчитывали.

Похоже, достойная наложница Сянь снова будет на коне.

— Пятая сестра всегда была такой слабой. Как она вынесет такой суровый холод? — бормотал Гу Чжао. — А этот Тули-каган, говорят, ему уже за тридцать, и у него две жены...

Гу Чжао вздохнул и умолк, его взгляд был полон уныния.

Жун Цунцзинь на мгновение почувствовал укол совести. Он думал лишь о выгоде, о расстановке сил при дворе, о действиях четвёртого принца и наложницы Сянь. Он даже не воспринял пятую принцессу как живого человека. Возможно, так думали все во дворце. И только Гу Чжао помнил о родственных узах, о судьбе сестры.

— Принцесса — кровь императорского рода. Тюрки не посмеют отнестись к ней без должного уважения, — утешил его Жун Цунцзинь.

Гу Чжао покачал головой.

— Что хорошего в том, чтобы быть принцем или принцессой? — тихо сказал он. — Даже кошка

или собака могут жить своей жизнью.

— Ваше Высочество, не говорите так, — тут же остановил его Жун Цунцзинь.

Гу Чжао поднял на него глаза. Его ясный, как горный ручей, взгляд был омрачён печалью. Жун Цунцзиню стало его жаль. Он положил свою руку на руку Гу Чжао.

— Если бы вы не были князем, мы, возможно, не смогли бы пожениться. Разве статус князя так уж плох?

— Если бы я не был князем, Цунцзинь не захотел бы за меня замуж? — спросил в ответ Гу Чжао. В его голосе, хоть и звучал вопрос, слышалось презрение к общепринятым представлениям о знатности. Цунцзинь был другим. Он любил Цунцзиня, потому что он — Цунцзинь, а не потому что он — сын маркиза Динъюань.

— Все нет, — не мог солгать ему Жун Цунцзинь. Помолчав, он добавил: — Если бы Гу Чжао не был князем, а был бы простым торговцем, я бы всё равно согласился. И, возможно, был бы даже счастливее и спокойнее, не пришлось бы так бороться за наши жизни.

— Вот видишь, — просто кивнул Гу Чжао. Он притянул свою принцессу-консорта к себе и, обняв, тихо сказал: — На самом деле, тебе не нужно делать новый мешочек. Этот я могу носить ещё несколько десятков лет. Лишь бы...

— Лишь бы моя принцесса-консорт всегда был со мной. Всё остальное неважно. — С тех пор как они поженились, Гу Чжао полюбил слово «всегда». Казалось, в этом слове, легко слетавшем с губ, была заключена вся нежность и трепет его чувств. Только оно могло выразить то, что было у него на сердце.

Гу Чжао твёрдо решил: даже если однажды его лишат титула, заточат в темницу или случится ещё какая беда, он никогда не покинет свою принцессу-консорта.

Во дворце Чанчунь императрица и принцесса-консорт наследного принца беседовали, когда слуга доложил:

— Ваше Величество, прибыли князь Жуй и принцесса-консорт Жуй.

— Пусть войдут, — оживилась императрица. Принцесса-консорт тоже с нетерпением повернулась к входу.

В зал, держась за руки, вошла пара, подобная двум нефритам. Жун Цунцзинь, отстав на шаг, поклонился обеим.

— Встаньте, встаньте, — в зале остались только свои, и императрица тут же подозвала Жун Цунцзиня к себе. Внимательно оглядев его, она сказала: — Ты так потрудился в этот раз.

— Я всё слышала. Дела в Ичжоу улажены как нельзя лучше. Дамбы восстановлены, новые укрепления на реке Цючжоу прочны, как крепость. Это заслуга на века, — с волнением произнесла императрица. И самое главное — кроме средств на помощь пострадавшим, на восстановление дамб не было потрачено ни одного ляна из казны.

Император Цзяньюань был доволен.

Наследный принц не вызвал у императора лишних подозрений, но при этом завоевал народную любовь, а отчётность была безупречна. Одним выстрелом — трёх зайцев. Принцесса-консорт Жуй осталась в тени, уступив всю славу наследному принцу. И все выгоды достались ему.

— Наследный принц уже вернулся? — спросил Жун Цунцзинь.

<http://bllate.org/book/13698/1587692>